

Вечером, выйдя из душа, Юй Сингэ включил стоявший на письменном столе компьютер.

Когда он приехал в Цичэн, эти две вещи — компьютер и гитара — были самым ценным из его нехитрого скарба.

Операционная система загрузилась, и экран мягко заполнили синие строчки кода. Юй Сингэ лениво прокручивал колесико мыши.

С его мокрых волос капала вода. В душном, влажном воздухе комнатухи понуро опустили листья домашние цветы. Вокруг царил темнота, и лишь настольная лампа в углу стола да слабое сияние монитора выхватывали из полумрака его лицо.

Он возился с кодом, пытаясь запустить «Angry Birds».

Жаль только, в эту эпоху интернет еще не развился до нужной степени, и большинство классных игр попросту не вышли. Приходилось крутиться самому: если очень хотелось во что-то поиграть, приходилось писать простенькие скрипты и запускать их вручную.

«К тому времени, как я отыграю свою роль, технологии наверняка сделают огромный шаг вперед», — подумал он.

Юй Сингэ уверенно кликнул мышкой, запуская нарисованную птицу точно в цель.

Когда Юй Сингэ только очутился в этом книжном мире, ему сразу обозначили задачу: отыграть роль верного друга главного героя, а дальше — хоть трава не расти.

Вода все еще текла за шиворот. Юй Сингэ накинул на голову полотенце и кое-как потер макушку. Непослушные черные кудри, казалось, яростно протестовали против такого кощунства: мол, если продолжать в том же духе, завтра от бывшего великолепия не останется и следа. Но парень безжалостно подавил этот бунт.

Накинув пижаму, он повесил влажное полотенце на спинку стула, достал из холодильника баночку сока и вышел на балкон.

Надо бы проведать своего вокалиста.

Они с Чэн Цзие занимали отдельные квартиры — у каждого свои спальня и гостиная, — но их балконы сходились под прямым углом. Там, на стыке, теснились горшки с цветами. Днем, когда Юй Сингэ выходил вешать белье, он видел, как Чэн Цзие, щурясь на солнце, бережно поливал их из лейки.

Надо же, у этого типичного героя с «Цидюань» нашлось время для тихих радостей. Наверное,

сейчас у него и впрямь самый спокойный период в жизни. Пройдет всего пара лет, его имя прогремит на всю страну, и Чэн Цзие вряд ли сможет вот так просто стоять у перил и возиться с цветами.

Из музыкальной лавки внизу доносились приглушенные, хрипловатые звуки — похоже, крутили старый альбом какого-то популярного тайваньского певца eighties. Музыка смешивалась со звонким детским смехом, топотом ног во дворе и мягким шорохом листвы от вечернего ветерка.

Их дом стоял у самой границы старого центра. С наступлением темноты городская суэта не утихала: гудели машины, а в воздухе все еще висела душная, липкая дневная жара.

Юй Сингэ едва ступил на прохладный бетон балкона, как увидел соседа. Чэн Цзие стоял у перил, скрестив руки на груди. Его точеный профиль отчетливо выделялся на фоне густеющих синих сумерек, а тлеющий кончик сигареты то вспыхивал, то угасал алым угольком.

Заметив соседа, Чэн Цзие — парень рослый и плечистый — машинально потянулся затушить сигарету.

Юй Сингэ остановил его коротким жестом и ловким движением выудил сигарету прямо из его пачки. Чэн Цзие даже среагировать не успел.

— Огоньком не поделишься? — Юй Сингэ лихо прикусил фильтр и улыбнулся. Отражение чужой сигареты заплесало в его глазах яркими искрами.

Чэн Цзие хотел было сказать по привычке: «Маловат еще дымить», но тут же вспомнил, что парню вообще-то уже двадцать один. Даже в Штатах с их жесткими законами он бы считался совершеннолетним. И все же Чэн Цзие качнул головой:

— Нет зажигалки.

Он протянул руку, намереваясь вытащить сигарету у него изо рта.

Юй Сингэ увернулся. Наклонившись через перила, он приблизил свое лицо к Чэн Цзие и прижал кончик сигареты к его тлеющему огоньку. Раздался тихий сухой треск, и табак занялся теплым светом.

Парень довольно сощурился.

Чэн Цзие промолчал, лишь стряхнул пепел с пальцев.

— Завтра репетиция. Партитуру назубок выучил? — нарушил молчание Чэн Цзие.

— Обижаешь, — отозвался Юй Сингэ.

Он тоже облокотился на перила, лениво держа сигарету. Ветер доносил снизу старую песню, отдающую легкой ностальгией — словно пожелтевший кадр из архивной киноплёнки.

Юй Сингэ принялся негромко напевать мотив, без слов.

Чэн Цзие молча курил рядом, слушая его.

В последнее время на волне популярности была либо слезливая меланхолия, либо крикливый, псевдобунтарский рок, якобы отражающий протест подрастающего поколения. Из колонок на вещевых рынках и в уличных забегаловках гремела тоскливая попса — послушаешь такую минут пять и запомнишь разве что бесконечные жалобы на несчастную любовь. Этот унылый вой идеально сливался с воплями рекламных зазывал.

Юй Сингэ допел куплет и умолк.

В густеющих синих сумерках плавно двигались два багровых огонька, оставляя в воздухе едва заметные шлейфы искр.

Сигарета почти истлела. Юй Сингэ только сейчас разглядел марку на ободке. «Мальборо».

«А ведь изначально, в начале двадцатого века, их создавали исключительно для женщин», — вспомнил он.

Парень безучастно наблюдал, как серый налет подбирается к пальцам, и затушил окурок в самый последний момент, когда жар уже готов был обжечь кожу.

Чэн Цзие избавился от своей сигареты гораздо раньше. Окинув соседа взглядом, он ровным тоном заметил:

— У тебя волосы мокрые.

Это было не предупреждение, а просто констатация факта.

— Пустяки, — хмыкнул Юй Сингэ, качнув головой. — От такого не простужаются.

Чэн Цзие перевел взгляд на ночные улицы.

«А этот кудрявый на редкость беспечен», — подумал он.

Вечерний ветер в Цичэне дул прохладный и свежий. Чэн Цзие лениво, слово за слово, рассказывал ему о группе, о здешних заведениях и о том, как устроен город. В основном это были прописные истины, но рассказчик то и дело увлекался и уходил от темы на добрый десяток миль.

Юй Сингэ слушал внимательно, изредка вставляя короткие реплики.

Открытый, жизнерадостный, но при этом тонко чувствующий границы. Чэн Цзие поймал себя на мысли, что, кроме некоторой юношеской непосредственности, у этого парня и недостатков-то нет.

Именно таким кудрявый гитарист и запечатлелся в его памяти.

Хотя стоило добавить еще кое-что: в некоторых вещах они сходили на удивление легко. В частности, когда дело касалось музыки.

Ночь окончательно вступила в свои права. Юй Сингэ первым почувствовал усталость. Сонно зевнув, он прихватил банку с недопитым соком и пожелал соседу спокойной ночи.

— Ах да, — уже у самой двери Юй Сингэ резко обернулся и щелкнул пальцами. — Вот увидишь, я буду отличным гитаристом.

В его карих глазах отражалось золотистое кружево городских огней.

Чэн Цзие посмотрел на него и уверенно кивнул:

— Не сомневаюсь.

Когда за Юй Сингэ закрылась балконная дверь, Чэн Цзие еще долго стоял в темноте, глядя на мерцающие огни Южного района.

Он опустил руку в карман куртки и коснулся пальцами металлического бока зажигалки, которая все это время лежала там.

«А малый-то чертовски обаятельный», — невольно улыбнулся Чэн Цзие.

В баре «Ураган» появился новый гитарист. Черноволосый, кудрявый, чертовски привлекательный парень с глубокими карими глазами и обезоруживающей, солнечной улыбкой.

Постоянные посетители поначалу отнеслись к новичку скептически. Слишком уж его благообразная внешность не вязалась с агрессивным роком. Однако стоило этому юноше, больше похожему на примерного медалиста с доски почета, выйти на сцену, как все сомнения улетучились сами собой.

Что и говорить, ловя кураж, гитарист преображался до неузнаваемости. Он двигался с таким неистовством, что от него невозможно было отвести взгляд.

А уж когда его пальцы касались струн, равнодушных не оставалось вовсе. Завораживающая игра и сияющие азартом глаза мгновенно покоряли публику.

Еще один самородок, рожденный исключительно для музыки.

Чарльз от нового гитариста был просто в восторге. На совместных репетициях он с непередаваемым пылом заявлял на своем забавном китайском — бог весть сколько лет этот экспат прожил в Китае, — что Юй Сингэ предначертан им самой судьбой и лучшего музыканта им не найти.

Пазл наконец-то сложился. Недостающий элемент, которого группе ONE так не хватало с момента основания, встал на свое место.

Сталкиваясь взглядами с Юй Сингэ, Чарльз так и сиял от искреннего восхищения.

Хороший гитарист для группы — фигура ключевая, впрочем, как и любой другой участник.

И пусть Чарльз порой излишне эмоционально преувеличивал заслуги новичка, за этим пафосом скрывалась лишь преданность общему делу.

Творчество требует полной самоотдачи. Найти родственную душу среди музыкантов — редкая удача, ведь играть вместе означает делиться самым сокровенным.

Внимания группе ONE доставалось с избытком, но за восторженными криками толпы всегда крылось нечто большее, чем простое фанатское поклонение.

И пусть далеко не все завсегдатаи приходили послушать именно рок, музыканты неизменно выкладывались на каждом выступлении на все сто.

Обрести соратника, который с полуслова понимал творческую концепцию коллектива, было бесценно.

Чэн Цзие думал точно так же.

Наступили выходные — шло второе выступление Юй Сингэ в составе группы.

За окнами давно стемнело. В гримерке Юй Сингэ бережно расстегнул чехол и достал инструмент. Гитара была великолепна: матовый золотистый корпус, идеальный гриф. Даже Чэн Цзие, обычно скупой на похвалу, признал, что инструмент звучит безупречно.

Сам Чэн Цзие в этот момент возился с аппаратурой на сцене. Настройка звука не входила в его обязанности, но штатный звукорежиссер слег с простудой, так что пришлось брать дело в свои руки. Чэн Цин крутился рядом, помогая подключать кабели.

В зале постепенно сгущался полумрак. К моменту начала выступления публика, подогретая алкоголем и окутанная плотным туманом из дым-машины, уже изнывала от предвкушения.

«Ураган» по праву считался самым злачным местом в переулке Наньпин. С приходом ночи здесь воцарялся неоновый хаос из танцующих тел и звенящих бокалов. Многие гости приходили сюда с конкретной целью — найти симпатичного спутника и уехать с ним навстречу еще более безумной ночи.

Разумеется, зацепить неприступного фронтмена мечтали многие. Но Чэн Цзие после финального аккорда сразу же покидал заведение. Поймать его за поеданием шашлычков в переулке за баром было куда реальнее, чем дожидаться у стойки.

Полумрак сцены прорезали редкие вспышки прожекторов, превращая толпу внизу в сплошное колышущееся море теней.

Грянул первый аккорд. Совсем недавно Юй Сингэ наблюдал за этим безумием со стороны, потягивая коктейль у барной стойки, а теперь сам стоял в свете рамп.

Музыканты понимали друг друга без слов. Одно их появление вызвало в зале шквал криков. Тяжелые удары барабанов отдавались прямо в груди — бунтарские ритмы, ставшие символом свободы еще в прошлом веке, неизменно находили отклик в сердцах молодых и горячих.

Голос фронтмена завораживал. Чэн Цзие был буквально рожден для сцены — классический главный герой из старых романов. Стоило ему взять микрофон, как показная ленивая расслабленность мгновенно испарялась, уступая место хищной, острой энергетике обнаженного клинка.

Они играли старый хит, гремевший еще в прошлых десятилетиях. Кое-кто из гостей не сразу признал в кудрявом юноше нового гитариста, но его дерзкая, летящая манера игры мгновенно подчинила себе зал. Черные кудри взлетали в такт безумным вспышкам прожекторов, рождая гипнотический вихрь звуков.

Юй Сингэ, который сегодня вырядился по всем канонам глэм-рока, картинно послал в

беснующуюся толпу воздушный поцелуй.

Он выглядел чертовски круто — дерзкий, невероятно харизматичный парень, который крал сердца одним лишь взмахом руки.

Однако в самом темном углу зала, почти там же, где в прошлый раз пристраивался Юй Сингэ, неподвижно сидел мужчина. Тусклый луч выхватил из полумрака изящную родинку у внешнего уголка его глаза, а тонкий стильный галстук довершал образ холеного мерзавца.

Спутники мужчины что-то оживленно кричали, делясь впечатлениями от игры нового гитариста, но их голоса бесследно тонули в грохоте колонок.

Обладатель родинки никак не реагировал на болтовню приятелей. Сделав неторопливый глоток, он задумчиво прищурился, не сводя цепкого взгляда с парня на сцене.

Если бы Юй Сингэ мог сопоставить происходящее с сюжетом романа, он бы мгновенно понял, кто перед ним.

Эта холодная, словно застывшая глазурь, полуулыбка выдавала в нем Шэнь Чжи — холеного мажора и опасного интригана, которому в первой половине книги отводилась роль главного антагониста.

<http://bllate.org/book/18241/1753748>